

М. Гарднер

ПОЧЕМУ Я НЕ СОЛИПСИСТ

(Gardner M. The WHYS of a Philosophical Scrivener, N.Y., 1983.)

Имя Мартина Гарднера очень хорошо известно любителям математики, и большинство его книг в жанре популярной математики переведено на русский язык. Он известен как автор аннотированных изданий Л. Кэррола. Но одна из его непереведенных книг адресована уже интересующимся философией, и называется она просто восхитительно: «The WHYS of a Philosophical Scrivener». Именно это название я частично заимствовал для этой книги. «Переписчик» означает переложение чужих аргументов, но при этом какое переложение! Да и термин «переложение» вряд ли применим к блестящему изложению вечных вопросов, простой перечень которых дает некоторое представление о Мартине Гарднере – философе. Я взял из книги только одну главу, и это был трудный выбор, потому что каждый из очерков в ней есть превосходная демонстрация здравого смысла в философии.

Солипсизм это безумие, заключающееся в убеждении, что существую только я, какая-то одна личность. Все другие части вселенной, включая других людей, являются несущественными вымыслами ума одного человека, который и является единственно реальным. Это поч-

ти одно и то же, что полагать себя Богом, и насколько я знаю, нет ни одного настоящего солипсиста вне сумасшедшего дома. Почему же тогда я трачу время на аргументацию, почему я не солипсист?

Одна причина заключается в том, что многие философы утверждают, что солипсизм нельзя опровергнуть рациональным путем; что вера в других людей и внешний мир зиждется на некоторого рода «животной вере»; или же, потому что она общепринята, или же такая вера не позволяет сойти с ума. В последнее время возобновился интерес к таким взглядам, которые хотя сами по себе и не являются солипсистскими, но тем не менее весьма с ними связаны. Любопытно, что такие взгляды высказываются иногда знаменитыми физиками в связи с философскими интерпретациями квантовой механики. Здесь я постараюсь распутать некоторые лингвистические путаницы в этих старых философских дебатах...

Бертран Рассел как-то вспоминал, что однажды он получил письмо от дамы-логика Кристины Лэйд-Франклин, в котором она объявляла себя солипсистской. Доктрина эта казалась ей столь неопровержимой, что она не понимала, почему другие философы не являются солипсистами. Мы все пленники так называемого «эгоцентрического затруднения». Все, что мы знаем о мире, основано на информации, получаемой через наши чувства. Мир нашего опыта – всеобщность всего, что мы видим, слышим, касаемся, чувствуем, иногда называется нашим «феноменальным миром». Ясно, что нет способа получать ощущения за пределами ощущений, испытать больше того, что может быть испытано. Чарльз Пирс изобрел полезное слово для этого феноменального мира. Он назвал его «фанероном».

Какие у нас основания для веры в то, что вне нашего личного фанерона существуют какие-то вещи? Давайте с самого начала допустим, что солипсисту невозможно доказать, что вне его фанерона существует что-либо, если под словом «доказать» мы имеем в виду теоремы логики или математики. Ситуация даже хуже. Как часто указывают философы, у солипсиста нет никакого способа доказать самому себе, что он существовал вчера. Ведь может быть и так, что весь его феноменальный мир, включая всю его память, «впрыгнул» в реальность в прошлый вторник. Он не может доказать и то, что он и весь его фанерон будут существовать после четверга. Таким образом, солипсизм съезжает до того, что называется «солипсизмом момента». Одно может быть определенным, а именно «Я существую сейчас» – отправная точка философии Декарта.

Но подождите! Даже это не так просто. Вероятно, дорогой читатель, ты только продукт сна некоторого бога, точно также, как Шерлок Холмс продукт воображения Конан Дойла. Индусы верят, что вселенная, включая меня и тебя, есть сон Брахмы. И она перестанет существовать, как только Брахма проснется. Алиса в Зазеркалье думала, что ей снится Красный Король. Но Король все время спит, и Алисе говорят, что она просто некоторого рода «вещь» из сна Красного Короля. Один студент однажды спросил во время занятий по философии профессора Морриса Коэна, «Откуда я знаю, что существую?». На что профессор ответил, «А кто спрашивает?»

Поскольку все наше познание мира и других людей дается информацией, проходящей в наше сознание через фильтр чувств, нет «железного» способа опровержения солипсизма. По «железным» способом я имею в виду строго логическую манеру. Нет никакого способа опровергнуть что-либо, находящееся за пределами чистой логики и математики, и даже в этих последних случаях всегда происходит в рамках формальных систем с аксиомами и правилами, которые являются общепринятыми. Примите аксиомы и правила евклидовой геометрии, и тогда вы действительно опровергнете утверждение о том, что сумма углов треугольника больше двух прямых. Но едва ли большее опровержение, нежели опровержение того, что в полудюжине есть семь яиц. Тем не менее, несмотря на подобную строгую невозможность опровергнуть солипсизм, никто из философов в здравом уме не придерживается этой точки зрения. Почему?

Трудно обсуждать этот вопрос, не рассматривая его истории. А причина этого проста. Любой фундаментальный взгляд на любой метафизический вопрос был столь хорошо выражен и мастерски аргументирован великими мыслителями прошлого, что почти невозможно сказать что-либо новое на эту тему или улучшить старые аргументы.

Аристотель придерживался точки зрения здравого смысла, которой теперь придерживается большинство людей – философы, ученые, и просто обычные люди – что за фанероном существует независимо мир «материи». Неважно, что мы понимаем под «материей». Она существовала до появления человека, и будет существовать, когда человек исчезнет. И этот внешний мир является причиной событий во внутреннем мире наших ощущений, воспринимаемый нами как фанерон. До Аристотеля Платон аргументировал в пользу существования не только такого внешнего мира (он производит тени в знамени-

той аллегории пещеры), но и в пользу независимого существования, независимого как от материи, так и от человеческого сознания, таких универсальных идей как кошачность и число. Для Аристотеля универсалии не имели реального существования независимо от материальной вселенной, точно так же, как форма вазы не может существовать без самой вазы. В Средние Века этот вопрос обсуждался в форме номинализма против платонизма, или платонистского реализма, со всякого рода сложными терминологическими тонкостями, которые нас здесь не интересуют. Для нас важно то, что средневековые схоласты были «реалистами» в том смысле, что верили, как и Платон и Аристотель, в этот огромный «внешний» мир, находящийся за пределами мира явлений, и который не требует нашего восприятия его, чтобы существовать.

Первый великий исторический поворот в западной философии по этому вопросу связан с именем Епископа Беркли, XVIII в., ирландца англиканского вероисповедания, который провел несколько лет в Ньюпорте, Род Айленд, тщетно пытаясь основать христианский колледж на Бермудах. Я не знаю, много ли студентов калифорнийского университета в Беркли знают, что этот городок был назван в честь епископа по той причине, что, как нам об этом говорит Б. Рассел в своей *Истории западной философии*, Беркли писал: «Развитие Империи будет направлено на Запад». Последняя книга епископа была посвящена медицинским свойствам дегтярной настойки, монография, которая сопоставима с трактатом Олдоса Хаксли о том, как лечить дефекты зрения вращением глазного яблока.

Легко подшучивать над философией Беркли, но он защищал ее с невероятным искусством, и я прочитал множество более поздних книг об идеализме, в которых сделано отнюдь не больше, чем это сделал Беркли, но изложение материала в этих книгах хуже, чем у Беркли. Чтобы понять аргументацию епископа, следует сказать кое-что о его знаменитом предшественнике Джоне Локке.

Локк, также добрый англичанин, сомневался в сотворении Богом материального мира, независимого от человеческого сознания, не больше, чем ранние христианские философы. Что касается природы материи, Локк охотно допускал (как и И. Кант), что она трансцендентна и непознаваема. Что касается познаваемой части материи, Локк разделил ее свойства на два класса: первичные и вторичные. Первичные свойства не зависят от восприятий. Например, камень тверд, независимо от того, трогаете вы его или нет. Но вот цвет, вторичное качество,

зависит от сложного процесса видения. Ночью все кошки серы, а в полной тьме они даже и не серы.

Это различие все еще полезно, но Беркли понял, что есть более глубокий смысл, в котором все качества являются вторичными. Как мы можем знать о твердости камня, пока мы не трогаем его? В самом деле, мы знаем о материальных объектах только то, что проходит через наши органы чувств. Зачем же предполагать таинственную, непознаваемую субстанцию, лежащую за фанероном?

Одна из причин того, почему Аристотель и Схоласты, как и обычные люди и ученые, делали такое предположение, заключается в том, что это простейшая гипотеза, которая может объяснить закономерности фанерона. Отвернитесь от дерева, и затем снова посмотрите на него. Оно все еще здесь. Вы ложитесь спать, просыпаетесь, а в комнате все та же мебель. Больше того, различные наши чувства согласуются друг с другом. Куб не только смотрится как куб, но и ощущается как таковой. Мы можем видеть, чувствовать, обонять яблоко. Положите яблоко в холодильник, выньте его через час, и попробуйте его. Оно будет таким же, как и прежде.

Мы, которые не являемся солипсистами, верим, что другие люди существуют. Ну не удивительно ли совпадение – а оно должно быть удивительным для всех, кто сомневается в существовании внешнего мира – что все люди видят в существенных чертах один и тот же фанерон? Мы прогуливаемся по одним и тем же улицам одних и тех же городов. Мы обнаруживаем дома на одних и тех же местах. Два человека видят в телескоп одну и ту же спиральную галактику. Больше того, они узревают в ней одну и ту же спиральную структуру. Гипотеза о существовании внешнего мира, не зависящего от человеческого сознания, мира, сотворенного из *чего-то*, является очевидно полезной и подтверждается многовековым опытом. Без преувеличения можно сказать, что та гипотеза подтверждается лучше, чем любая эмпирическая гипотеза. Она настолько полезна, что почти невозможно сомневаться в ней, и сомневаются в ней сумасшедшие и профессиональные метафизики.

Пожалуйста, заметьте, что я ничего не сказал о существенной природе внешнего мира; я говорил только о том, что нечто проглядывает за фанероном, что говорит о его сложных регулярностях, закономерностях. Беркли никогда не сомневался в этом. Он сомневался только в том, что это «нечто» было материальным, под чем он имел в виду нечто большее, похожее на камешки. Эти сомнения весьма сильно поддерживаются современной физикой. Мы знаем теперь, что материя

отнодь не похожа на камешки. Она больше похожа на чистую математику. Каждая частица рассматривается как волна вероятности в абстрактном многомерном пространстве. Она не наблюдается прямо, подобно дереву. Его свойства выводятся из сложных экспериментов. Никто не знает сегодня, что такое электрон вне его свойств. Все, что хотел Беркли, это избежать идеи, что за нашим восприятием камней, деревьев, и воды стоит некоторая материальная субстанция, похожая на камни, деревья, воду – вероятно сделанная из маленьких твердых частей, как это утверждали греческие атомисты – и что эта субстанция существует сама по себе без необходимости быть воспринимаемой, даже Богом. В дополнение к этому, он не видел причины, почему Бог – Беркли верил, конечно, в ветхозаветного Иегову, который сотворил небо и землю – должен был бы войти в хлопоты, отнюдь не необходимые, сотворения сначала материи, способной существовать самой по себе, а затем уже снабжать ее специальной структурой, которая будет причинять фанерон.

В центре видения Беркли было глубокое эмоциональное неприятие понятия, по которому нечто может существовать без ума, который воспринимает его. Это неприятие имеют многие люди – я сам чувствую его – хотя и не все люди. Давайте постараемся понять его. Вообразим вселенную, которая состоит из ничего, абсолютно ничего, кроме как единственного камешка, подвешенного в пространстве-времени. Есть только один-единственный камешек. Не будет ли беспочвенным, странным, абсурдным, бессмысленным (замените эти выражения другими любыми подходящими словами) предполагать, что такой камень существует. Согласно Беркли, невоспринимаемая материя это «глупое, бессмысленное нечто». И если это верно в отношении одного невоспринимаемого камешка, разве это не будет истинно о невоспринимаемых звездах и планетах? Я убежден, что как раз эта сильная, хотя и расплывчатая эмоция, а не какой-то рациональный аргумент, и является тонким секретом берклеанской философии. Мы обнаруживаем ее сегодня в точке зрения физика Дж. Уилера, согласно которому вселенная без сознания, ее воспринимающего, «беспочвенна», что равносильно утверждению о ее несуществовании.

Ту же самую эмоцию берклеанского толка высказывал Мигель де Унамуно в своей работе «Трагический смысл жизни»:

Чем была бы вселенная без сознания, способного отразить ее и познать ее? Что за объективный резон быть без воли и чувства? Для нас это был бы эквивалент ничто – в тысячу раз хуже, чем ничто... И не

рациональная необходимость, но сильная жизненная боль толкает нас к тому, чтобы уверовать в Бога.¹

«Быть, значит быть воспринимаемым» – это знаменитая фраза Беркли... Допустите это, и все остальное плавно следует в его философии. Епископ, как и Самуэль Джонсон, превосходно знал, что камни сопротивляются пинку, а также и то, как всякий материалист, что есть нечто вне нас, независимое от нас. Для Беркли это вне, это нечто есть ум Бога. Неважно, что он понимал под умом. Дерево на площадке перед домом, как утверждает старый лимерик, существует и тогда, когда его никто не воспринимает, потому что его воспринимает Бог. Допустите Бога, и тогда весь мир, с его невероятно сложными закономерностями, немедленно восстанавливается. Единственная разница – вместо утверждения о существовании материи за фанероном, вы утверждаете, что за материей стоит Бог. Схоласты и Локк утверждали, что Бог сначала сотворил материю (или вероятно, придал ей бесформенное первичное состояние), а затем использовал материю для построения вселенной, которую мы населяем. Но зачем городить огород? Не проще ли, говорит Беркли, основывать наш феномен прямо на Боге? На самом деле, Беркли предполагал свою философию как новый способ доказательства существования Бога.

Все объекты и закономерности во вселенной, для Беркли, являются безвременными идеями в уме Бога. Нет смысла полагать материю (в смысле «недумающей субстанции» с ее абсолютной отдаленностью от Бога) между Богом и нашими умами. Беркли был убежден, что его точка зрения лучше согласуется с Писанием, чем все остальные философии, и кроме того, лучше согласуется со здравым смыслом. Ведь разве обычные люди не верят в то, что воспринимаемое ими это реальные объекты, а не просто свойства какого-то таинственного субстрата – в современных терминах – структуры квантовых волновых систем – за вещами, которыми мы видим? Если бы Беркли жил сейчас, то он сказал бы, что квантовая механика свела материю к чистой механике, и что абстрактные математические идеи более легко воспринимаются как мысли Бога, нежели как свойства пустого пространства-времени, то есть свойства ничего.

Джеймс Босвелл полностью понял, что Джонсон вовсе не опроверг Беркли, когда рассказывал, как Джонсон, говоря «Я опровергну это таким вот образом» и пнул камень с такой силой, что его нога отскочила. Для Беркли камни тверды точно так же, как и во вселенной любого атеиста, который полагает за фанероном неумственную суб-

станцию. Вселенная Беркли так же «вне нас», как вселенные Аристотеля, Аквинского или Локка. Почитайте этих мыслителей, и всякий раз, когда встретите упоминание о материи или субстанции, замените это слово на «ум Бога», и вы въедете в эпистемологию Беркли.

Лингвистический трюк Беркли в избавлении от материи через изменение ее наименования имел огромное влияние на Канта и Гегеля, и на всю постгегелевскую философия, особенно идеализм в Германии. С моей точки зрения не было более тонкой защиты ориентированного на Бога объективного идеализма, чем лекция П Джозайи Ройса *Дух современной философии*. Это в чистом виде Беркли. Подобно епископу, Ройс находит абсурдным воображать субстрат материи, существующий без того, чтобы быть воспринимаемым. Абсурдно, пишет он, столь же, как круглый квадрат, или как холмы без ложбин меж ними, или целей квадратный корень из 65. Затем, в необычном даже для него пассаже, где все спутано, он добавляет, что субстанция без восприятия это тот же вид бессмыслицы, что «Снарки, Бужумы и Джаббервоки». (При этом Ройс не знает, что Джаббервоки теперь уже совсем не нонсенс, не больше, чем единороги). Беркли обнаружил невоспринимаемую материю отвратительной, и представил ее самой себе. Ройс постарался сделать ее противоречивой. И в этом он откровенно не преуспел. Тем не менее, в сущности его аргумент совпадает с берклеанским. Закономерности нашего фанерона, и существование других людей, заставляет нас верить в реальность за нашим миром феноменов. Поскольку ничто не может существовать без того, чтобы быть воспринимаемым, мы вынуждены постулировать божественный разум или Абсолют, который воспринимает вселенную.

Здесь не место обсуждать тысячи тонкостей, введенных философами, которые отличают так называемых реалистов от так называемых идеалистов. С моей точки зрения, различие между школами по большей части вербальное, с сильными эмоциональными предпочтениями, которые поддерживают соответствующие концептуальные. Единственное, что я хочу здесь указать, что почти все без исключения великие философы прошлого верили в мир, независимый от ума. Все соглашались в том, что постижение этого мира за пределами способностей человека. Что можем мы знать, спрашивал Кант, о любом материальном объекте как о вещи-в-себе в отрыве от нашего восприятия ее? Если мы атеисты, мы можем назвать субстрат «материей» или «субстанцией», или «пространственно-временными событиями» или «чистой математикой». Если же мы верим в некоторого рода божест-

во, мы можем использовать такие же термины, если нам угодно, или же термины типа «Бог»: «Абсолют», «Дао», «Брахман» или любое поэтическое слово, которое мы предпочтем для названия окончательной природы бытия.

Сам я теист (некоторые мои читатели могут удивиться этому), но если вы попросите меня сказать что-нибудь о природе того, что лежит за фанероном – является ли это умом Бога, или же чисто математикой, или же некоторым иным видом трансцендентного «вещества» – мой ответ будет таким: «Откуда мне знать?». Как я уже говорил, и буду говорить, меня не особенно волнуют великие тайны метафизики. Какая разница между нечто и ничто? Почему существует нечто, из чего должна состоять вся вселенная, вроде атомов или умов? Или же этот субстрат мыслить себе лучше как некоторого рода нейтральный материал: материальный, когда он структурирован одним образом, и умственный, структурированный другим путем? У меня нет желания обсуждать подобные вопросы. Я не нахожу ничего абсурдного в понятии внешнего мира как ума Бога, не нахожу я ничего непривлекательного и во взгляде, согласно которому Бог мог сотворить мир субстанции, совсем не похожей на свой или чей-либо ум вовсе, и субстанция эта может существовать независимо от того, думает о ней Бог или нет. Как я, смертный, умом едва ли выше обезьяны, могу знать, что означают слова «сотворен Богом», или «мыслится Богом?». Можно бесконечно играть в метафизические игры подобного рода, но я имею не больше возможности постичь такие игры, нежели мой кот, который слушает стук моей машинки, когда я печатаю этот текст.

Есть однако вопросы меньшего порядка, нежели окончательные тайны, и на которые можно ответить. Какого рода язык более предпочтителен, какого рода метафоры, в разговоре о внешнем мире? И что имеется в виду, когда говорится о «предпочтительности»? Перед тем, как я изложу свою точку зрения, давайте рассмотрим еще одну точку зрения на реальность – если хотите, «третий язык», который блестяще защищал Милль. Его язык любопытно близок языку Беркли, несмотря на то, что Милль не согласен с тезисом Беркли, что ничего не может существовать без того, чтобы быть воспринимаемым. Замените Христианского Бога Беркли на неличностное то-которое-есть, и вы будете весьма близки к эпистемологии Милля. Поскольку она не требует личного божества, она привлекает многих современных философов, называемых прагматистами, позитивистами и феноменологами.

Наиболее четко Милль защищает свою точку зрения в лекции II своей книге о философии сэра У. Гамильтона. Примите фанерон, говорит Милль, просто примите. Не беспокойте себя вопросом, что лежит за ним. Просто *определите* внешний мир как множество всех тех «объектов» в вашем фанероне, на которые не может повлиять ваша воля. Поскольку эти регулярности, будь они людьми или вещами, мы помещаем вне нас, проблема субстрата никогда не возникает. Она становится псевдопроблемой. Материя, говорит нам Милль, это просто «непрерывная возможность ощущения». Нет смысла полагать ни материального субстрата, ни божественного субстрата. Дерево находится вне нас в том смысле, что оно остается там, независимо от того, смотрим мы на него или нет. Оно продолжает существовать не потому, что Бог продолжает воспринимать его, а просто это часть фанерона, которая ведет себя именно таким образом. Зачем говорить больше? Разговор о субстрате, материи или уме, который является причиной того, что дерево существует, не добавляет ничего к тому, что мы уже знаем. Нет необходимости в доказательстве внешнего мира, потому, что он «здесь» по определению. Всеобщность вещей в нашем фанероне, которые существуют независимо в нашем опыте, это все, что мы имеем в виде, когда употребляем фразу «внешний мир».

Милль суммировал это таким образом:

Вера в такую непрерывную возможность, кажется мне, включает все, что существенно для веры в субстанцию. Я верю, что Калькутта существует, хотя и не воспринимаю ее, и она будет продолжать существовать, даже если все ее обитатели внезапно оставят это место, или вымрут. Но когда я анализирую веру, все, что я обнаруживаю, так это то, что эти события имеют место, Непрерывная Возможность Ощущений, которую я называю Калькуттой, будет оставаться. И что если бы я внезапно был перенесен на берега совсем другого материка, я все еще имел бы возможность ощущений, которые могли бы привести меня к утверждению о существовании Калькутты.

Большинство философов, допускает Милль, в той или иной степени были увлечены идеей материального или духовного субстрата за фанероном. Он не видел ничего странного в этом стремлении, он просто находит его излишним. В современной терминологии, утверждения существования такого субстрата не добавляют ничего информативного в дополнение к тому, что может быть установлено на языке феноменализма.

Как я уже сказал, эта точка зрения сильно повлияла на философов многих школ Уильям Джеймс в книге *Прагматизм* и последующей книге *Значение истины* часто говорил так, как будто он придерживается такой позиции. С моей точки зрения это неверное прочтение языка Джеймса, что вполне понятно ввиду многочисленных путаниц и неточностей. Но место ограничено, и я ограничусь цитированием письма, которое Джеймс написал в 1907 г., когда споры вокруг прагматизма достигли большого накала, и критики обвиняли Джеймса в отрицании существования независимого от сознания мира.

Джеймс был шокирован таким обвинением. «Я», писал он, «природный реалист», и добавляет, что он говорит это также и от имени его сотоварищей-прагматистов Ф. Шиллера и Д. Дьюи. Вообразим, говорит Джеймс, рассыпанные на столе фасолины. Некто смотрит на них и замечает различные упорядоченные структуры. Распознавание этого порядка и есть то, что Джеймс называет истиной.

Что бы он не делал, пока он *принимает во внимание* их [фасолины], его созерцание не является ложным и не является не относящимся к делу. Если оно ни то и ни другое, почему бы не назвать его истинным. Оно *подходяще* для фасолин-минус-он сам, и выражает *тотальный* факт, фасолин-плюс-он сам... Все, что Шиллер и я утверждаем, состоит в том, что нет «истины» без *чьего-то* интереса, и что неинтеллектуальный интерес играет такую же роль, как и интеллектуальный. И нас обвиняют в отрицании фасолин или отрицании любого случая удерживания ими! Это тоже глупо.

Мне кажется, что в этом письме Джеймс рассыпал фасолины по всей своей эпистемологии. [Потому что] его радикальные усилия переопределить истину была существенно лингвистической программой, и не основным изменением в аристотелевской доктрине, что истина есть соответствие идей со структурами внешнего мира. Как видно из письма Джеймса, он считает само собой разумеющимся, что истина должна подходить фасолинам. Вопреки новому языку прагматизма, Джеймс не отрицает мира объектов, независимых от сознания.

Что касается изначальной природы таких объектов, Джеймс никогда не изъясняется ясно (а как бы он мог это сделать?), но эта неясность не должна касаться здесь нас. В Значении истины он говорит нам, что его критики часто говорят, что он допускает существование объектов вне сознания, в то время как Дьюи и Шиллер – нет. Это не так, говорит Джеймс. «Все трое абсолютно согласны в допущении трансцендентности объектов...» Опять-таки, он пишет, что эпистемология

Дьюи бессмысленна, если не постулировать «независимых сущностей». Дьюи, настаивает Джеймс, «верит так же твердо, как и я, в объекты, независимые от суждений».

Означает ли это, что Джеймс и Дьюи верят в трансцендентную материю, стоящую за «независимыми объектами» чьего-то фанерона. Или же они, подобно Миллю, определяют «независимые объекты» как регулярности фанерона, как перманентные возможности ощущения?

Дьюи часто писал по этим вопросам, и почти так же неопределенно, как и Джеймс. В книге *Логика: Теория исследования*, наиболее зрелой из его работ по эпистемологии, мы читаем:

Что камни, звезды, деревья, собаки и кошки и пр. существуют независимо от личных процессов познающего в данное время, это столь основательно установленный факт познания, какой только вообще может быть. Потому что как множества связанных экзистенциальных отдельностей, они возникают и проверяются вновь и вновь в исследованиях индивидов человеческого рода. В большинстве случаев было бы излишней тратой энергии повторять операции, с помощью которых они установлены и подтверждены. Для индивидуального познающего предполагать, что он конструирует их в своем ментальном процессе, столь же абсурдно, как и предполагать, что он создал улицы и дома, которые он видит, проезжая через город.

Нет, следовательно, никакого сомнения, что ведущие прагматисты, твердо верят, как и Милль, в объекты, независимые от сознания. Что остается, вопрос тонкий. Для объяснения таких объектов является ли необходимым забыть о структуре фасолин, или же мы должны просто осознать независимость от сознания структур? Мое впечатление, что Дьюи, в отличие от Джеймса, принимает точку зрения Милля. В своей ранней статье на эту тему, в сборнике *Очерки и экспериментальная логика*, Дьюи аргументирует, что этот вопрос бессмыслен. Он не может быть даже поставлен, заявляет он, без предположения, что само существование внешнего мира – это как раз то, что надо доказать.

Я думаю, что справедливо суммировать позицию Дьюи следующим образом: Мы представляем собой, в одной из своих часто повторяемых фраз, организмы, взаимодействующие с окружением. Взаимодействие есть то, что Дьюи называет опытом. В рамках нашего опыта мы быстро научаемся в детстве перескакивать от субъективного к объективному и обратно. Мы легко можем вообразить расплющивание воображаемого камня в нашей руке. Мы знаем, что не можем сделать этого с «реальным» камнем. Реальность объектов в нашем окружении

считается само собой разумеющимся, потому что организм не может взаимодействовать с чем-то, чего не существует. Поскольку предположение внешнего мира неявно содержится в самой концепции взаимодействия, задача доказательства реальности внешнего мира никогда не возникает.

В сноске Дьюи ссылается на книгу Ганса Райхенбаха, *Опыт и предсказание*, в которой существование внешнего мира считается философской загадкой. «С моей точки зрения», пишет Дьюи, «эта проблема искусственно порождается тем видом посылок, которые я называю эпистемологическими. Когда мы действуем и находим окружающие нас вещи в упрямом сопротивлении нашим желаниям и усилиям, внеположность окружения к Я есть прямая составляющая прямого опыта.»

Этот третий подход, согласно которому бессмысленно спрашивать, есть ли некоторый субстрат за фанероном, защищался также некоторыми членами Венского Кружка, по большей части Рудольфом Карнапом. Первая серьезная работа его «Логическая структура мира» была попыткой показать, что на основании одного примитивного отношений, а именно, подобия, можно сконструировать непротиворечивый солипсистский язык, в котором возможно делать любые эмпирические утверждения о мире, которые можно делать в реалистическом языке. Поскольку два этих языка разными путями говорят одно и то же, не получается дополнительного эмпирического содержания по сравнению с аристотелевским реализмом. И решение, какой язык по сравнению с аристотелевским реализмом. И решение, какой язык принять, что чисто практическое решение. Какой из них является более удобным? Карнап предпочел язык «вещей», реалистический язык науки и здравого смысла, не потому, что тот «истиннее», но потому что он наиболее эффективен как язык, говорящий об опыте.

Подобные же взгляды были приняты философами, которые называли себя феноменологами, но которые расходились по многим вопросам, и писали с такой постоянной несносностью, что кто-нибудь другой должен был бы излагать их тоску зрения. Некоторые рассматривают внешний мир как некое коллективное творение независимых умов. Карикатуру на подобную точку зрения можно найти в *1984* Оруэлла, где «истина» о мире и его истории производится политическими партиями, стоящими у власти. Некоторые антропологи, являющиеся крайними культурными релятивистами, утверждали, что законы науки, как теоремы математики, не имеют реальности вне человеческой культуры.

Законы гравитации, факт, что $3+2=5$, это не истины, которые превосходят человеческий ум. Это просто аспекты культурного выражения творчества народа, подобно правилам уличного движения или правилам этики.

Не все члены Венского Кружка были согласны с подходом Рудольфа Карнапа, как проблемы удобства языка. Герберт Фейгль был первым еретиком, заявившим, что реализм имеет большую поддержку, нежели простая эффективность языка. Около двадцати лет он и Карнап дебатировали по этому поводу, каждый при этом модифицировал слегка свой взгляд, но оба оставались непоколебимыми. Вне Венского Кружка большинство философов приняли сторону Фейгля.

Когда я был студентом философии в Чикаго, я как-то посетил семинар Бертрана Рассела. Карнап, тогда профессор в Чикаго, тоже ходил туда, и часто вступал в дебаты с Расселом, из которых до меня доходила только часть услышанного. Однажды возник спор, должна ли утверждать наука, как онтологический тезис, реальность мира за фанероном. Карнап старался сделать аргумент техническим, но Рассел лукаво повернул разговор на спор о том, должны ли считаться жены философов (а новая жена Рассела сидела на заднем ряду и улыбалась, вязала) существующими реально или же это просто логические фикции, основанные на закономерностях фанеронов их мужей.

На следующий день я был на почте, и профессор Чарльз Хартшорн, остроумный философ, лекции которого я слушал, узнав меня, остановился поболтать.

– Вы были вчера на семинаре Рассела?», спросил он. – Я пропустил его.

– Да, – сказал я. Это было восхитительным. Рассел старался убедить Карнапа, что жена того существует, а Карнап никак не хотел этого допустить.

Хартшорн рассмеялся. Затем, как это часто бывает в жизни, вошел Карнап. Хартшорн познакомил нас (это было в первый раз, когда я встретил Карнапа; через несколько лет мы вместе работали над книгой). Затем, к моему ужасному смущению, Хартшорн сказал:

– Мр. Гарднер сказал мне, что вчера Рассел старался убедить Вас в существовании вашей жены, но Вы отказались принять его аргумент.

Карнап не улыбнулся. Он смерил меня взглядом и сказал

– Но ведь не в этом была суть разговора.

Конечно, он был прав. Ни один философ в здравом уме не будет сомневаться в существовании объектов или лиц, находящихся вне

его ума. Совершенно оправдано, писал Карнап, предполагать, что звезды будут продолжать существовать, если все умы исчезнут. Философы лишь говорят, что это значит, что звезды будут продолжать существовать.

Окончательное мнение Карнапа по этому вопросу можно найти в его ответе на критику в книге *Философия Рудольфа Карнапа*. Здесь Карнап объясняет, почему он отвергает как бессмысленные такие утверждения как «внешний мир реален», а также многочисленные претензии разных версий идеализма и феноменализма. Вместо того чтобы принимать чью-либо сторону в метафизических спорах, Карнап полностью обходит сам вопрос, заменяя его вопросом об удобстве использования языка в определенном контексте. «Если реализм рассматривать как онтологический тезис», – пишет Карнап, то он не реалист. Если реализм рассматривается как предпочтение реалистического языка над феноменологическим языком, в науке философии и повседневной речи; «тогда я тоже реалист». Феноменологический язык отвергнут не потому, что он ложен, но потому, что это абсолютно частный язык, который можно использовать в одиночку, но не как средство коммуникации между людьми. В.Куайн взял ту же точку зрения в своей знаменитой статье *О том, что есть*.

Один из наиболее интересных аргументов в пользу субстрата за фанероном принадлежит Райхенбаху. Опираясь на образ пещеры у Платона, Райхенбах предлагает такой образ: пусть наша вселенная состоит полностью из чудовищного большого куба с полупрозрачными сторонами. Вне клуба летают птицы, но мы видим их тени на сторонах и вершине куба. И мы думаем, сначала, что тени это и есть реальность. Постепенно, после наблюдения множества закономерностей в появлении теней, приходит Коперник и говорит им, что тени это следствие объектов – в данном случае, птиц – которые существуют вне куба.

Теперь представим себе, что куб съежился до кожи нашего тела. Мы имеем теперь, говорит Райхенбах, полезную аналогию с человеческим восприятием. Ясно, что все, что мы знаем о мире, вне нас, это вывод из того, что внутри нашей кожи, или, скорее внутри нашего черепа, где интерпретируются чувственные данные. Но регулярности полетов птиц на сетчатке наших глаз поддерживают гипотезу о том, что вне наших глаз находится мир, независимый от нашего внутреннего опыта. Эта гипотеза имеет огромную объяснительную и предсказательную силу. Больше того, эта теория чрезвычайно проста,

и, следовательно, по бритве Оккама, предпочтительна по сравнению с более сложными теориями. Она подтверждается эмпирически в равной степени с другими теориями, то есть нисколько не хуже их в этом отношении. Она на самом деле даже лучше, потому что все человеческие существа подтверждают ее каждой минутой своей жизни. Мы не можем сказать, что гипотеза абсолютно доказана, но она столь близка к этому, как может быть близка к доказательству вообще любая гипотеза.

Неверно, говорит Райхенбах, что эта гипотеза не имеет преимуществ по сравнению с субъективистским взглядом. Во-первых, она значит нечто совершенно отличное для человека, который ее утверждает. Одно дело это верить, что тени птиц на крыше Райхенбаховского куба это все, что существует, и совсем другое дело верить, что они тени чего-то вне куба, и совсем уж другое дело, верить, что бессмысленно спрашивать, какая точка зрения истинна. Мы никогда не сможем доказать феноменологу, что тени порождаются внешними птицами. Даже если мы просверлим дырку в крыше, и через нее увидим порхающих птиц, он все еще сможет утверждать, что птицы это иллюзии, вызванные тенями, и следовательно, менее реальны, чем тени.

Я осознаю, что термин «реализм» имел столько смыслов в истории философии, что почти бесполезно употреблять его, пока не остановиться на каком-то варианте определения с крайней точностью. Я также осознаю, что было много школ реализма, каждая из которых претендовала на то, что описывает сложную цепь причинных событий, идущих от объектов «вне» к объектам восприятия ума.

Рассмотрим знакомую цепь. Вы видите на экране телевизора женщину в красном платье. Что такое красный цвет? Вы можете дать несколько правильных ответов, в зависимости от того, как вы определите свои термины. Даже если вы находитесь в студии, и видите женщину напрямую, ответ не так-то прост. Свет, попадающий на ее платье, отражается сложнейшим образом через структуру электромагнитных волн. Эта структура претерпевает рефракцию, проходя через глаз, и давая перевернутую картину на сетчатке. Эти образы переводятся в электрические импульсы, которые проходят по оптическим нервам по обе стороны мозга. Затем, через никем пока не понятые процессы, мозг интерпретирует эту информацию и дает вам ощущение красного. С одной точки зрения это богатая смесь цветов, звуков и запахов. С другой стороны мы согласны с А.Н.Уайтхедом:

Поэты полностью ошибались. Они должны были адресовать свои сонеты к себе, и должны были восславить превосходство человеческого ума. Природа же это скучная вещь, беззвучная, без запахов, бесцветная, просто нагромождение материала, бесконечное и бессмысленное.

Платье женщины состоит из атомов, которые в свою очередь состоят из протонов, электронов и нейтронов. А из чего сделаны они? Физика достигает той точки, с которой природа материи погружается во тьму. Некоторые частицы могут оказаться сделанными из кварков, но тогда возникает вопрос, из чего сделаны кварки. Собака знает о структуре дерева кое-что, но ничего не знает об атомах. Современный физик весьма много знает об атомах, но наступает такой этап, когда «вещество» дерева перестает поддаваться пониманию. Быть может, окончательная природа вещества известна только Богу? Кто может это сказать? Мы даже не понимаем по хорошему самого вопроса. Может быть, нет вообще никакой окончательной природы. Все, что мы знаем, это то, что структура материи может иметь бесконечное число уровней, подобно китайской шкатулке.

В этой [статье] я использую термин «реализм» в широком смысле слова как веру в реальность чего-то такого (природу которого мы оставляем в тумане), что стоит за фанероном и его потрясающими закономерностями. Это что-то независимое от человеческого ума в том смысле, что оно существовало до того, как появился ум, и будет существовать при исчезновении человеческой расы. Я не использую слово реализм как взгляд, противоположный идеализму, или реализм в платоновском смысле как взгляд, противоположный номинализму или концептуализму. Я использую это слово в том смысле, что Беркли и Ройс являются реалистами. Контрастирующим термином тут является не «идеализм», а «субъективизм». Это субъективизм либо в строгом смысле слова, когда отрицается существование фасоли за фанероном, или же в слабом смысле, когда вопрос о существовании фасоли считается бессмысленным, и нет даже смысла задавать его.

Давайте подведем итог трем главным причинам, по которым стоит утверждать реализм. Первые две были приняты сторонниками Дьюи или Карнапа, а третья, введившая в разговор эмоциональное значение, должна бы быть отвергнута обоими группами. Конечно, они могли бы быть приняты, как некоторые люди предпочитают Моцарта Вагнеру, но я полагаю, что чувства весьма недостаточны для принятия решений в области метафизики. Мой собственный взгляд заключается в том, что

эмоции есть единственный повод для метафизики. В любом случае, как раз третья причина склоняет меня принимать реализм как оправданную онтологическую доктрину.

1. Аргумент удобства. Язык реализма необходим для коммуникации между умами. Это объясняет, почему реализм принят как предпочтительный почти всеми философами, теологами и учеными, а кроме того, обычными людьми.

Большинство людей являются «наивными реалистами», и смотрят на камень, они считают, что видят реальный камень. Философы же защищают эту позицию как предпочтительный язык для реализма. Но вовсе нетрудно объяснить наивному реалисту кое-что о современных теориях материи. После того, как вы сделаете это, нормальный человек продолжает верить в то, что эти волны и частицы, находятся вне и независимы от их умов, и они как раз то, что делает камни похожими на камни.

Когда Дж.Мур в ходе своих лекций дал свое знаменитое доказательство внешнего мира, махнув рукой и сказав: «Здесь одна рука», и махнув другой, сказал: «Здесь вторая рука», он исполнил символический акт здравого смысла существенно того же толка, что и Джонсон, пнув камень. Мур продолжал, говоря, что доказательство то же самое, что если бы вы держали в руке носок, сказали бы при этом «Вот носок». Для того, чтобы доказать существование объектов в прошлом, в этом случае нужно добавить «Момент назад я держал носок». Мур полностью осознавал, что он не представляет логического доказательства. Он просто настаивал, как и Джонсон, что ни один человек в здравом уме не будет сомневаться в существовании камней и носков как вещей, независимых от нашего ума.

Если модель большого Взрыва истинна, тогда ни один ум не мог быть свидетелем взрыва (мы оставляем в стороне возможность восприятия взрыва Богом). Каким же неоправданно сложным становится язык субъективиста, если он хочет объяснить, почему он верит в то, что вселенная существовала через три минуты после взрыва. Он вынужден будет сказать, что она существовала потому, что где-то рядом был ум, вероятно в гиперпространстве, который и мог наблюдать этот огненный шар. Если он захочет объяснить, почему звезды будут продолжать существовать, даже если умы исчезнут, он должен будет добавить, что они будут существовать в том смысле, что если ум существовал бы, то он мог бы их видеть. Субъективист может сказать: «В коробке есть монета», только по-

тому, что убежден, что если коробку открыть, то он увидит монету. Он может сказать, что механизм внутри часов двигает стрелки, но только потому, что если часы открыть, он увидит, как механизм двигает стрелки.

Философы называют это «контрфактическими суждениями». Они ведут к любопытным проблемам о языке науки, которые не должны здесь нас занимать. Моя точка зрения здесь проще. Процитированные выше контрфактические утверждения являются не необходимыми усложнениями. Обычные люди, даже философы и ученые, не будут колебаться, и заявлять, что монета находится в коробке, независимо от того, будет она открыта или нет. Зачем же почесывать левое ухо правой ногой? Не последняя из добродетелей реализма здравого смысла, от Аристотеля до Поппера, заключается в том, что заставляет философа говорить с людьми обычными об эпистемологии без мистификации и придыхания, не зля их.

2. Эмпирический аргумент. Реализм является наипростейшей и лучше всего подтверждаемой гипотезой о закономерностях нашего фанерона.

Хотя Райхенбах противопоставлял свой аргумент карнаповской позиции онтологической нейтральности, Карнап в некотором смысле был готов принять его. Отвечая на критику, Карнап говорил:

Позднее, Райхенбах придал тезису реализма интерпретацию в научных терминах, утверждающую возможность индукции и предсказания; подобная же интерпретация была предложена Фейглем. На основании этих интерпретаций, тезис, конечно, осмыслен. В этой версии, это синтетическое, эмпирическое утверждение об определенных структурных свойствах мира. Я сомневаюсь, однако, следует ли давать старым тезисам и спорам переинтерпретацию, которая сделает их осмысленными. У меня же сомнения относительно переинтерпретации Куайном термина «номинализм».

Я думаю, что это означает, что Карнап не против того, что реализм придает дополнительное значение, если он рассматривается как эмпирическая гипотеза, а не как онтологическое утверждение. С точки зрения Карнапа, аргумент Райхенбаха с кубом просто усиливает переполняющее удобство реалистического языка. С точки зрения Райхенбаха, когда удобство становится столь переполняющим, есть основания и для онтологического скачка. Теперь, когда у нас есть фотографии кратеров обратной стороны Луны, никто не сомневается в том, что кратеры существуют. Если гипотеза, что объекты существуют вне фа-

нерона, поддерживается более, чем очевидными свидетельствами эмпирического толка, почему бы не принять эмпирический реализм как-онтологический тезис?

3. Эмотивный аргумент. Онтологическое принятие реализма имеет сильный эмоциональный эффект на тех, кто принимает его.

Я согласен с У.Джеймсом, что эмотивное значение играет фундаментальную роль в решении всех философских вопросов. Я согласен с ним и в том, что в отсутствии убедительных контраргументов, эмоции могут быть вполне допустимыми основаниями для метафизических скачков.

Я убежден, что реализм отражает здоровую позицию по отношению личности к себе самой и другим, а также униженное состояние перед непреодолимой тайной бытия. Субъективизм отражает нарциссизм, который в экстремальной форме ведет к сумасшествию. Позвольте мне сказать прямо. Существует чудовищное различие между мышлением человека как онтологически реальным мышлением, существующим самим по себе, и мышлением этого человека как полезной конструкцией, основанной на закономерностях вашего фанерона. Существует почти такая же эмоциональная разница между верой реалиста, и позицией, где нет разницы между языками реализма и феноменализма, за исключением лишь эффективности. Даже подлинный солипсизм, если он философ, должен принять чудовищное удобство реалистического языка. Удобство это только подчеркивает невероятную сложность и тонкость его иллюзии.

Гораздо проще сомневаться в существовании материи, сказал У. Джеймс, нежели в других умах. «Нам очень нужны они... Психологически солипсизм это слишком отвратительная насмешка над нашими желаниями...». Вера в то, что полезно или удобно предполагает существование других людей, писал Б.Рассел «недостаточна для того, чтобы облегчить мое чувство одиночества. Я хочу не того, чтобы вера в солипсизм была ложна в прагматическом смысле, но я хочу на самом деле, чтобы люди другие существовали на самом деле». И все же все аргументы об отсутствии необходимости субстрата за нашими восприятиями камней прилагались с равной силой к нашим восприятиям человеческих существ.

Как-то Рассел говорил о солипсизме на встрече, где председательствовал Уайтхед. Как Рассел сказал в своей автобиографии, он при этом сказал, что не верит, что мог бы написать те части книг Уайтхеда, которые он, то есть Рассел, не понимал, хотя он не мог бы

доказать, что не смог бы написать. Он имел в виду, конечно, не логическое доказательство. Но есть много вещей, на самом деле, важных вещей, которым человек должен верить по эмоциональным причинам – назовите это животным инстинктом, если вам так нравится. Одна из них – это существование других людей на онтологическом уровне, на уровне, выходящем за пределы закономерности нашего фанерона.

Следует подчеркнуть, что мы живем во время, когда интерес людей к паранормальным явлениям растет, да к тому же еще в соединении с интересом к индуистской философии, которая рассматривает вселенную как майю, множество иллюзий, сотворенных богом. Так как наши умы едины с Верховным Умом, отсюда следует, что мы частично ответственны за существование вселенной и ее структуры. Этот смысл нереальности физического мира присутствует в нескольких наивных религиях (например, Христианская Наука) и во множестве таких книг как Карлос Кастаньеда и его вымышленный гуру Дон Хуан. В книге Р. Баха *Чайка по имени Джонатан Ливингстон* птица поднимается в своем сознании столь высоко, что может летать сквозь гору, как если бы той не было. В кинокартине *Космический контакт третьего рода* внеземной корабль проходит галактики как иголка. Некоторые видные физики, например, Э. Вигнер, верят, что свойства вселенной, вероятно, само ее существование, зависит весьма тонким образом от восприятия ее некоторыми умами. Поскольку эти точки зрения связаны с некоторыми тонкостями квантовой механики, я не буду здесь на них останавливаться.

Хотя никогда не было человека в своем уме, который был бы солипсистом, доктрина эта часто поражает молодые умы. Можно указать, например, Честертона. В своей автобиографии он пишет о периоде в своей юности, во время которого сама мысль, что может ничего не существовать, кроме его самого и фанерона, сильнейшим образом беспокоила его. Позднее стал реалистом, и во многих своих работах он предупреждает об опасности психологических солипсистских спекуляций. Особенно интересна в этом отношении история под названием *Преступление Габриеля Гейла*. Вот краткое содержание рассказа. Гейл, поэт, художник, детектив обвинен в ужасном преступлении. Однажды в штормовую ночь Гейл привязал одного молодого человека, который готовился стать священником, к дереву, и прикрепил пару вил к шее бедняги таким образом, что тот вынужден был простоять всю ночь носом к дереву. Гейл был арестован за по-

пытку убийства, но он попросил полицию выслушать на этот счет мнение предполагаемой жертвы.

К удивлению полицейских ответ был совсем странным. «Никак не смогу полностью отблагодарить Гейла за его великую доброту, которая спасла мне жизнь».

Оказывается, что молодой человек прошел через те же фазы безумия, которые мучали Честертона. Он был готов уверовать в то, что его фанерон не зависит от чего либо еще, кроме того, что находится в его голове. Гейл, всегда чувствительный к психологии других, понял, что молодой человек на грани помешательства. Лечение Гейла было радикальным. Привязав человека к дереву, он убедил его, не логикой (невозможно логикой убедить человека в каких-либо важных вопросах), но более убедительным опытом. Молодой человек обнаружил себя привязанным к нечто такому, чего его ум смог изменить.

«Мы все привязаны к дереву», – комментировал Гейл этот разговор полупонимающей полиции: «И пока дерево твердое, мы знаем, что звезды останутся на местах, и что холмы не стронутся с места от наших слов. Разве вы не можете себе представить огромный прилив здорового облегчения и благодарности, подобно гимну всей природы, который исходит от привязанного к дереву, который получает, наконец, величайшую и великую новость: новость, что он был только человеком?»

История заканчивается, когда этот человек, уже излеченный, говорит одному атеисту: «Бог хочет, чтобы мы играли в эту игру».

«Откуда вы знаете, что хочет Бог?», – спросил атеист. «Ведь вы никогда не были Богом?».

Молодой человек ответил: «Я был Богом последние четырнадцать часов. Но я оставил это занятие. Я обнаружил, что оно требует огромного напряжения».